

ЭЛЕМЕНТЫ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ А.КАРПЕНТЬЕРА «ПОТЕРЯННЫЕ СЛЕДЫ»

Весенняя В.А.

*ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
420021, г. Казань, ул. Татарстан, д.2*

e-mail: felineya@gmail.com

поступила в редакцию 15 ноября 2017 года

Аннотация

В данной статье рассматриваются элементы магического реализма в романе кубинского писателя Алохо Карпентьера «Потерянные следы». С помощью них автор наиболее отчетливо отображает действительность Латинской Америки.

Ключевые слова: *латиноамериканская литература, магический реализм, литература на испанском языке.*

Введение. Алохо Карпентьер-и-Вальмонт (1904-1980) – выдающийся кубинский писатель, первый романист Латинской Америки, выработавший самостоятельную художественную концепцию истории, а также журналист, музыкант и музыковед.

Магический реализм в творчестве Алохо Карпентьера играет ключевую роль: именно обращение к использованию магического реализма во втором романе писателя «Царство земное» (1949 г.) принесло ему известность за пределами Латинской Америки.

Роман «Потерянные следы», опубликованный в 1953 году – это третий роман в творчестве писателя и второй его роман, в котором он развивает концепцию «магического реализма».

Основная часть. Впервые термин «магический реализм» был применен французским критиком Эдмоном Жалу. Роль этого метода заключается в том, чтобы показать все непредсказуемое, странное и сказочное, что находит свое отражение в реальной жизни.

Алохо Карпентьер стал родоначальником этого направления в литературе Латинской Америки 20 века, где идеологическую основу метода составляло стремление писателя выявить и утвердить самобытность действительности и культуры Латинской Америки, которая здесь идентифицируется с мифологическим сознанием индейца либо афроамериканца. Его специфика заключается в рассмотрении магического с реальной точки зрения, в соединении реального и волшебного, как наиболее адекватный способ восприятия латиноамериканской действительности.

В романе «Потерянные следы» читатель сталкивается с элементами магического реализма с самого начала: Карпентьер не называет конкретного места действия (судя по описаниям, принято считать, что действие начинается в крупном мегаполисе, предположительно, в Нью-Йорке); писатель также не дает практически никакой информации о главном герое, от лица которого ведется повествование: читатель не знает ни его имени, ни возраста; о нем известно только то, что это разочаровавшийся в жизни композитор, невольно вынужденный работать в рекламном кино. Неизвестно также и время действия. Таким образом, весь изначально данный читателю «мир главного героя» представляет собой будто бы один повторяющийся день, существующий вне времени, время кажется отсутствующим, и именно эта искаженность времени – один из основных элементов «магического реализма» [1].

«Я снова лег в постель и, глядя в потолок, постарался вспомнить последние годы. И ясно увидел, как они пробегали, от осени к весне, когда на смену северным ветрам приходила жара и асфальт становится мягким; годы бежали, а у меня не было времени прожить их...» [2].

Однообразному миру мегаполиса противопоставлен мир Сельвы – новый мир, полный тайн, мир прошлого, в который протагонист попадает вследствие своего путешествия. Важно отметить, что главу романа, в которой начинается путешествие протагониста, Карпентьер начинает эпиграфом, взятым из пьесы Перси Биши Шелли «Освобожденный Прометей»: «На!

I scent life! (O! Запахло жизнью!)). Этот эпиграф носит символический характер: действительно, попав в иной мир, мир прошлого, так контрастирующий с миром настоящего (что также является еще одним из элементов магического реализма [1]), протагонист учится использовать все органы чувств: «Я здесь не для того, чтобы размышлять. Здесь надо прежде всего ощущать и смотреть. И когда я не только смотрю, но вижу, то словно вспыхивает редкостный свет и все вокруг обретает голос...» [2].

Таким образом, можно утверждать, что в романе присутствуют многочисленные детали сенсорного восприятия [1].

Границу между миром Сельвы и *тем* миром подчеркивают разнообразные символы [1]. Так, символичны второстепенные герои романа и сфера деятельности протагониста – музыка.

Жена протагониста, Рут, неотъемлемая часть *того* мира, актриса, всю жизнь играющая одну и ту же роль, символизирует утраченные надежды прошлого; поверхностная любовница, Муш – фальшивость настоящего, от которого главный герой мечтает освободиться; Росарио же, являющаяся воплощением трех рас (индейской, негритянской и средиземноморской) – будущее, к которому стремится его душа.

Древний музыкальный инструмент – цилиндр, украшенный выжженным на огне орнаментом, с крестообразной рукояткой, на поиски которого и отправлялся главный герой романа, становится для него символом духовной свободы, символом обретения «истинного искусства».

«Истинное искусство» здесь напрямую связано с «мотивом обучения», который также важен для «магической реальности» Карпентьера. Именно в мире Сельвы протагонист находит в себе силы оторваться от искусства «по заказу»: «Я все никак не мог прийти в себя от изумления: *плач* был внутри моего существа давно, но семя его начало прорасти лишь в ночи палеолита, там, чуть ниже по течению, на берегах реки, населенных чудовищами...» [2].

Обретая «истинное искусство», композитор понимает изначальное предназначение музыки и искусства в целом. Искусство – не средство заполнять досуг, а спутник важнейших событий человеческой жизни: рождения, смерти, погребения. Прочувствовать это предназначение ему помогает каждый новый день, прожитый в Святой Моники, он неоднократно наблюдает за традиционными обрядами, совершаемыми жителями этого городка; таким образом реализуются многочисленные фольклорные мотивы в романе.

Еще одним важным аспектом в «чудесной реальности» Карпентьера является отсылка к библейской мифологии [1]. Ее мы можем наблюдать в следующем фрагменте:

«Перед нами мир такой, каким он был до появления на земле человека» <...> «Будто только что спали воды, обнажилась суша, взошла зеленая трава и лишь начинает пробиваться огонек жизни, который отныне будет гореть денно и ночью. Мы на пороге жизни, в конце четвертого дня творения» [2].

Умиротворенность Святой Моники, города, в котором протагонист обрел свое счастье, является собственной трактовкой писателем четвертого дня творения [3].

Заключение. Таким образом, магический реализм в романе, реализуемый через вышеперечисленные элементы, помогает автору наиболее точно отобразить реальность Латинской Америки и показать духовное становление протагониста. Протагонист, проходя путь своего развития, принимает концепцию самого Карпентьера – концепцию «магического реализма», осознает чудесность жизни. Путь развития главного героя в этом случае символизирует путь развития литературы Латинской Америки в целом.

Список литературы

- 1) Литературный энциклопедический словарь // Под общ. ред. Кожевникова В.М., Николаева П.А. М.: Советская энциклопедия. 1987. 752 с.
- 2) Карпентьер А. Потерянные следы: Роман / Пер. с исп. Л. Синянской; Предисловие Н.Снетковой, Комментарии Г.Полонской. М.: Издательство «Художественная литература». 1964. 324 с.
- 3) Ветхий Завет, Псалтирь, Псалом 73, стих 16.

4) Карпентьер, А. Мы искали и нашли себя: Художественная публицистика / Пер. с исп./ Предисл. В.Б. Земскова. М.: Прогресс. 1984. 416с.

5) Кофман, А.Ф. Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе / А.Ф. Кофман // Современный. роман: Опыт исследования. М. 1990. С. 183-200.

6) Интернет-ресурс: Alejo Carpentier «Biografias y vidas – La enciclopedia biografica en linea» <http://www.biografiasyvidas.com/biografia/c/carpentier.htm> (Дата обращения 20.10.17).